

2011/2 (4)

Содержание

Теоретическая культурология

Межеев В.М.

Размышления о культуре и культурологии: культурология в контексте современного гуманитарного знания (Статья 3)

Глостанова М.В.

Карибская транскультурная философия в контексте диалога культур

Историческая культурология

Шулепова Э.А.

Культурная среда исторического города: методология изучения и трансляция

Флиер А.Я.

Историческая культурология как область знания

Вишленкова Е.А.

Темпоральность и восприятие времени в российском университете XIX века (Часть 2)

Прикладная культурология

Астафьева О.Н.

Культурная политика: теоретическое понятие и управленческая деятельность (Лекции 6–8)

Соколов А.В.

Три лика информационного общества

УДК 008 (091)

Аванесова Г.А.

Исследование феноменов народа и народной культуры в гуманитарной мысли Запада и России (Часть 1)

Аннотация. Проанализировано понимание народа и народной культуры в сочинениях представителей консервативной мысли XIX (Ж.-М. Де Местр, немецкие романтики, немецкая классическая социология и общественная мысль первой половины XX в.) и второй половины XX в. (консервативная философия Ю. Эвола и др.), а также современных представителей французского и американского неоконсерватизма (А. де Бенуа, П. Бьюкенен).

Ключевые слова: народ, народная культура, нация, национальные культура, душа народа, характер народа, народный дух

Народ, нация, народная/национальная культура как объекты гуманитарно-философского анализа в странах Западной Европы и России

В Новое время в культурфилософской мысли Запада, а также в нарождающихся дисциплинах – этнографии/этнологии, культурной и социальной антропологии – стал осмысляться феномен народа и его культуры. Этот интерес был связан с тем, что в данный период многие народы Запада трансформировались в нации, приобретая новые черты; вслед за этим радикально менялись и их культуры – они приобретали современные качества, становясь культурами национальными.

Экономическая практика, социально-политические отношения, общественная жизнь стран Запада постепенно отшлифовывали оригинальные характеристики и формы развития современных народов – англичан, французов, голландцев, немцев и др. В этот период на этнической основе разных народов, живших в Древнем мире и в Средневековье, формируется новое, более сложное единство, которое после Французской революции стали называть нацией. Более многочисленная и активная нация (английская, французская, немецкая и др.) рождается вместо прежних малочисленных этносов (англов и саксов, франков, бургундцев и провансальцев, баварцев и саксонцев, и т.п.). В общественной

Гуманитарные исследования

Аванесова Г.А.
Исследование феноменов народа и народной культуры в гуманитарной мысли Запада и России (Часть 1)

Ильшев П.В.
Особенности изобразительного моделирования кинематографического пространства в фильмах Акиры Куросавы

Штейнер Е.С.
«Гений дзюдо» – Куросава начинается

Малая культурологическая энциклопедия

Власенко В.В.
Философско-педагогические идеи М.С. Кагана

Шестаков В.П.
Изобразительное искусство

Юбилейные даты

К 80-летию Елены Ефимовны Кузьминой

Плоских В.М.
В поисках древних путей ариев

Поляков Т.П.
Белый пароход

К 65-летию Кирилла Эмильевича Разлогова

Хренов Н.А.
Кирилл Разлогов – человек глобальной культуры

Рецензии

Кузнецова Т.Ф.
Культурологический поиск: от фундаментального к прикладному: рецензия на книгу: «Культурология: фундаментальные основания прикладных исследований» (М.: Смысл, 2010. 640 с.)

практике и философском анализе понимание нации связывается, прежде всего, с государственно-политическим и социально-экономическим содержанием – с подданством, гражданскими правами жителей разных стран, с социально-классовой дифференциации общества, со способностями нации развивать реалии современной жизни (демократические принципы государственного устройства, рыночные отношения, промышленное производство, науку, средства массовой информации и др.).

Родоначальником современного понимания нации считается Ж.-Ж. Руссо, для которого «общественный договор» между изначально разрозненными и сошедшимися в одно место отдельными людьми не только устанавливает государство, но и порождает само существование нации (лат. natio – племя, народ). Правда, в процессе гуманитарного анализа, который развивался на Западе, вскоре стала фиксироваться потребность в конкретном обозначении неевропейских народов, которые, как считалось, пока еще не достигли уровня национального развития. Усложнение этнографических исследований и рождение в рамках западной гуманитарной мысли дифференцированного цикла этнологических дисциплин в конце XIX в. позволяют ввести в анализ разных народов термин «этнос» (греч. ethnos – племя, народ). Данное понятие начинает использоваться в этнологическом анализе разнообразных общностей, живущих в разных регионах мира и не достигших уровня национального развития. Позднее, уже в XX в. термин «этнос» закрепляется по отношению к традиционным сообществам, которые развиваются на исторической и естественно-биологической (кровное происхождение) основе, а также интегрированы культурным и психологическим единством. Речь в данном случае идет, чаще всего, о родоплеменных образованиях, о народностях, переходящих от племенных форм к более зрелым формам социальной организации, а также о традиционных народах, которые, в одних случаях, выработали, в других – не выработали собственной государственности, живут на территории либо компактно, либо дисперсно, освоили или не освоили индустриальную культуру и т.п.

Таким образом, понятия «нация» и «этнос» в философских, этнологических, культурологических, культурантропологических исследованиях в западноевропейской мысли становятся ведущими категориями. Вся проблематика, связанная с развитием разных мировых сообществ, обозначалась как этнонациональная, приобретая доминирующее значение во многих этнологических и культурантропологических направлениях анализа XX в.

Однако при этом разноречивой в использовании терминов по отношению к разным сообществам современного мира не только не устранялся, но продолжал возрастать по мере того, как некоторые этносы без достаточных оснований начинали претендовать на статус наций, а сами нации в странах Запада на рубеже XX–XXI вв. стали претерпевать настолько серьезные мутации, что встает вопрос об их ослаблении, размывании. Теоретики, еще недавно развивавшие инструментальный или конструктивистский подходы в понимании этногенеза, по существу, оказывались не в состоянии объяснить, что

стало происходить в таких еще недавно, казалось, устойчивых государствах-нациях Запада.

В этой ситуации оживают консервативные идеи об этногенезе, занимавшие на протяжении двухсот лет маргинальное положение в теоретическом дискурсе, поскольку консервативный подход к пониманию народа и его культуры рассматривался как неактуальный, устаревший. Однако напомним, в гуманитарных исследованиях Запада по отношению к крупным сообществам всегда продолжало сохраняться такое понятие, как народ (фр. *peuple* – народ; англ. *people* – народ, люди, население; нем. *volk* – народ), корнями уходящее в историко-культурную практику народов Западной Европы. Именно в противопоставлении с данным понятием в свое время кристаллизовалось понимание нации, однако до настоящего времени они могут применяться как взаимозаменяемые. Термины «народ» и «этнос», на первый взгляд, использовались в гуманитарном анализе в одном и том же смысле. Однако более внимательное рассмотрение показывало, что и в этом случае между ними остаются серьезные содержательные расхождения. Термин «народ» продолжал теоретизироваться более глубоко; он нагружается весьма сложным смыслом, особенно если иметь в виду консервативные направления западной мысли. Поэтому в нынешней ситуации теоретической неопределенности, складывающейся относительно многих аспектов нациестроительства, актуализируется проблематика, связанная с народом и народной культурой.

Во многом сходная картина, вместе с тем приобретающая серьезные особенности и отличия, складывается в последние двести лет в отечественном социально-гуманитарном анализе. Дело в том, что, во-первых, в России сам процесс трансформации русского народа в нацию стал осуществляться в более поздний период, нежели на Западе, до сих пор протекая своеобразно, не повторяя во многом феномен нациестроительства западноевропейских сообществ. Во-вторых, философское и теоретическое осмысление этих процессы также началось позже, демонстрируя иные исходные установки, акценты, понятия, формулируя и иные выводы, нежели это было в зарубежной науке.

Цель настоящего исследования – проследить важнейшие этапы развития современных представлений о народе и народной культуре, с одной стороны, в западноевропейской мысли, с другой, в русской гуманитаристике, а также сравнить их позиции и результаты исследования между собой. При этом аналитический интерес фокусируется в основном на консервативных идеях; однако учитываются и иные философско-теоретические направления, представители которых обращались к изучению народа и народной культуры.

Европейский консерватизм и романтизм конца XVIII – первой половины XIX в. о феномене народа и народной культуре

У истоков нововременного консерватизма Западной Европы высится фигура Ж. де Местра, который не принял Французскую революцию,

пережил изгнание и посвятил оставшуюся жизнь развенчанию принципов, выработанных эпохой Просвещения, а также либерально-революционных идей [1]. Де Местр закладывает основу современной консервативной мысли Запада, различая в любом стихийно возникшем общественно-народном явлении две стороны – эмпирическую и метафизическую. По существу, возражая Руссо, он рассуждает, не подозревая, что эта его позиция приобретает особую остроту на рубеже XX–XXI вв.: чисто количественная совокупность людей по своему желанию не в состоянии сформировать народ. Такие эмпирические характеристики народа как язык, территория, культура и т.п. на самом деле являются отображением более глубоких ценностей трансцендентного порядка (память, моральное единство народа, его душа и т.п.), обладающих Божественной сущностью. Именно Бог создает народ, как растения, животных и человека; он наделяет народ «естественной конституцией», т.е. специфическим набором черт, существующих сразу в потенции. Подобный подход к пониманию народа, позже заложенный в примордиалистскую теорию, не раз подвергался критике, но и не раз возрождался, конкретизировался сторонниками консервативной мысли на религиозной или секулярной основе в новых исторических условиях.

Рассмотрим позиции и немецких романтиков, которые проявили себя в художественной практике и философской мысли (И.В.Гете, Ф.Шиллер, Ф.Шлегель, Р.Вагнер и др.). Их воззрения приобрели известность в связи с интересом к прошлой жизни народов, к народной культуре, эстетике, искусству. В культуре конкретного народа романтики усматривали, прежде всего, высокий жизненный потенциал, возможность осмысленного труда, свободу реализации человеческих сил. Они отвергали рационализм и практицизм идей Просвещения, определяя их как механистичные, безличностные, искусственные. Они высмеивали сдержанность и смирение, которое навязывалось обществу и искусству буржуазно-мещанской средой. Напротив, в своем творчестве романтики стремились воплотить сильные эмоции, часто доходящие до крайностей.

Сам народ понимался в романтическом искусстве и философии как органическое единство, формируемое исторической практикой и коллективной деятельностью множества поколений, что неизбежно приводило к появлению самобытной культуры и эстетики. Общество мыслилось романтиками как сплоченное бытаем, интегрированное посредством родовых инстинктов. Отдельная личность, в противоположность позиции Ж.Ж.Руссо, виделась романтиками как личность, занятая служением общему делу, исповедующая общую религию, поддерживающая народные нравы, признающая хозяйственные интересы народа.

Представления немецких художников-романтиков о народной культуре основываются на том, что в последней они видели соразмерное соответствие «человеческой природе и естественным общественным отношениям». Их протест был обращен против тех социальных реалий, которые несли с собой буржуазные отношения, городская жизнь, аристократические и богатые сословия. По мнению Р.Вагнера, человеческая природа указанных социальных сил и групп

«искажена и изуродована отношениями в буржуазном обществе» [2]. В таком понимании народа заключалось предчувствие опасности, которая таится для народной стихии в буржуазном укладе жизни, в скученности городского населения, в извращенном художественном вкусе оторванных от народа сословий, буржуазных и мещанских слоев.

Подобное понимание народа поддерживалось не только романтиками, но во многом и немецкими философами классического толка. В этом можно усмотреть надежды интеллектуалов, которые связывались с культурным и государственным единством немецкого народа. Так, близкой к подобным воззрениям на народ и национальную культуру (в данном случае народная и национальная культура наделяются сходным смыслом) оказывается позиция И.Г.Гердера. Правда, эти органические явления он противопоставляет не буржуазии и городскому образу жизни, а государству, в котором видит немалый потенциал насильственно-волевого, проектно-рационального начала, которое отличается от народной массы своими истоками, формами развития и способами регулирования. По мнению философа, народы и нации в большей степени, чем государства, являются суверенными и активными субъектами истории, обладают собственным характером, душой, миссией, волей, духом; им свойственны место рождения, жизненные циклы развития, момент смерти. Представителей народа отличает чувство кровного родства, идентичности, основанные на общем характере, что позволяет появиться на этой основе национальной культуре.

Немецкая социология об органическом характере общины и искусственной системе общества

Общественное, экономическое и политические развитие в странах Западной Европы конца XIX – начала XX в., а также культурфилософские, этнографические, социологические, культурантропологические исследования постепенно разводили понятия «народ», «нация». Этому способствовало исследование феноменов «общинности» и «общества» в рамках западной классической социологии. Ее немецкая школа в лице Ф.Тённиса вырабатывает такие понятия *Gemeinschaft* (живой организм, органическое единство, община) и *Gesellschaft* (жизнь преходящая, мнимая, общество) [3]. К первому типу явлений философ относит такие явления социальной практики, как язык, семью/кровное родство, дом, деревню, дружбу и т.п. Ко второму типу – гражданское общество, товар, деньги, рынок, классы, социальные институты и др.

Подобное разделение, а также вопрос об упадке спонтанных общинных связей оставались в центре внимания видных социологов Запада – М.Бубера, М.Вебера, Э.Дюркгейма, Г.Зиммеля, Т.Парсонса. В их трудах представлены рассуждения о «кровном сообществе» и «сообществе по выбору», «солидарности органической и механической», «холизме и индивидуализме» и т.п. К этой цепочке следует присовокупить, с одной стороны, феномены «народа, народной культуры», с другой – такое явление, как «государство», а также тесно связанные с ним «нации и национальные культуры».

Неоконсервативный подход к рассмотрению развития народов и народных культур Запада в первой половине XX в.

Неоконсервативное понимание народа формировалось в западноевропейской мысли первой половины XX в. в разных аналитических формах. Так, оно было представлено в виде:

а) агрессивной, национал-социалистической идеологии Германии 1920–40-х гг.;

б) радикально-революционной социологической теории того же периода;

в) философии традиционализма (идеи Ю. Эволя, М. Элиаде, Р. Генона и др.).

Необходимо отметить, что первая разновидность консерватизма, принявшего формы национал-социалистической идеологии, явно дистанцировалась от понимания народа, свойственного романтической философии и классической социологии; одновременно данный тип активно также не принимал либеральных и марксистских установок в понимании народов, народных культур. Это направление явно тяготело к политическому радикализму, неоязычеству и акцентировало биорасовые аспекты развития народа и его культуры [4]. Так, в 1940 г., делая обзор разных понятий «народа» в немецкой антропологии и социологии, Л.Штенгель фон Рутковски пытается говорить о наличии у народа единства тела, духа и души. Вместе с тем, утверждая, что «дух – ничто вне природы», он вырабатывает чисто биологическое понимание народа, которое, по его утверждению, становится исходной позицией в анализе исторического и культурного развития народа [5].

Охарактеризуем праворадикальную разновидность неоконсерватизма, представленную в 1920–60-х гг. Х.Фрайером, К.Шмиттом, Э.Юнгером, А.Геленом и др. Исследователи этого варианта неоконсервативного дискурса пытались теоретически преодолеть модернистское сознание и развертывали критику либерального общества и его культуры. Вместе с тем, они, так или иначе, дистанцировались и от того понимания народа, которое представлено в национал-социалистической идеологии, хотя общие точки пересечения, безусловно, существовали. С нашей точки зрения, сегодня революционный правый консерватизм первой половины XX в. интересен продолжением анализа народно-национальной целостности, разрушающейся в условиях индустриализма, который начинали романтики, консервативная философия, классическая социология, философия жизни. Именно эту высшую целостность народа подробно изучают представители право-консервативного направления, полагая, что подобная целостность выступает залогом способности народа возродиться в условиях постиндустриального общества в обновленной форме.

Один из представителей этого направления Х.Фрайер пишет в начале 1930-х гг., что «рациональная система индустриального общества внутренне целиком замкнута на себя, тем самым в своем фундаменте разрушает и отрицает самое себя» [6]. В такой ситуации

пролетариат продолжает оставаться лишь классом и ничем иным. Он не имеет в таком обществе собственного места, не выработал своих задач и целей, кроме исторического долга – бунтовать, совершать революции. Однако, по убеждению философа, левая революционная энергия в индустриальном обществе постепенно иссякает, устраняя себя. Вместо революционной, односторонне нацеленной на себя энергии пролетариата, в индустриальном обществе способна пробудиться энергия разных классов, слоев и групп, до этого жестко подавляемая индустриализмом, и стать подлинно общенародной. Народ, вопреки происходящему извне мощному давлению, остается потенциально живым. Его глубинная сущность – народность (Volkstum) творит плоть и душу народа; народный дух (Volkgeist) действует подспудно [7], позволяя накапливаться правой революционной энергии, т.е. консолидированной энергии всех слоев и групп народа. В первой половине XX в. подобная постановка вопроса о революции справа и о народе как могильщике индустриального общества казалась достаточно экзотической и не получила развития. Ее оценили позже, в конце XX в.

Аналогичные процессы изменения традиционных народов и культур рассматривали в 1920–70-е гг. представители так называемой философии традиционализма (Р. Генон, Ю. Эвола, М. Элиаде и др.). Она базировалась на принципах метафизического анализа таких феноменов народного сознания и культуры, как традиционные смыслы, религиозные ценности, моральные императивы, художественные символы. Этих философов волновали ответы на вопросы: насколько повреждены механизмы воспроизводства народной традиции в современном мире, можно ли их восстановить в индустриальном обществе, в какой степени необратимы те утраты, которые несет с собой современная культура постиндустриального типа.

Кратко рассмотрим результаты, вызванные отказом от традиционных механизмов развития культуры в западноевропейской цивилизации, проанализированные в 1960-х гг. одним из представителей философии традиционализма, итальянским исследователем Ю. Эволой. Углубляя критику индустриальной культуры, он сосредоточил внимание на деструктивных тенденциях в национальных культурах Запада последних двух-трех столетий [8]. Философ пришел к выводу, что органическое единство прежних сообществ (т.е. сообществ, предшествовавших Новому времени) обеспечивало разным сословиям, социальным группам и кастам интегрированность в единую культуру народа, что позволяло каждому человеку ощущать связь с целым, чувствовать защищенность и осмысленность своего существования. Нынешнее состояние народов превращает людей в аморфную социальную массу, которая состоит из отдельных индивидов, разрушая единство исторического, культурно-духовного типа. Национальное государство берет на себя социально-интегративные функции, но делает это посредством политического, правового, экономического принуждения, путем манипулирования общественным сознанием и массовой психологией преимущественно через материальные

стимулы, политику и СМИ. В таком контексте, по мнению Эволы, с прежним хозяйством, где производился в основном необходимый продукт, покончено; наступает время экономики избыточного продукта и погони за сверхприбылью, что стремительно ведет к подрыву невосполнимых ресурсов планеты. В целом массы начинают сосредотачиваться на чисто материальных ценностях, на своих физических потребностях. Граждане не желают слышать о более высоких – нравственных, религиозных, экзистенциальных – мотивах и устремлениях. На определенном этапе понятия «родина» и «нация» приобретают гипертрофированное значение. Но мировые войны XX в. показали, что они, по сути, мифологизированы. Эти категории не рожают общественный порядок, но скорее формируют хаос, несут смерть миллионам людей, стоящим по обе стороны фронта. Неудивительно, что вслед за этим данные понятия утрачивают ценность в глазах новых поколений. Отказавшись от традиционной морали и религии, общество стремится передать их функции научной мысли.

Однако, по мысли Эволы, современная наука не связана с познанием мира, человеческого существования во всей их сложности и взаимообусловленности. Наука нацеливается на удовлетворение прагматических запросов элитных групп, на стратегические цели ведущих политических сил; она также позволяет производить товары и услуги массового спроса, обеспечивая потребности среднестатистических граждан. Вместе с тем в обществе деградируют наиболее древние, органичные феномены и взаимодействия, какими выступают брак, семья, отношения между родителями и детьми. Разобщенность поколений становится неоспоримым фактом, а само стремление к продолжению рода абсурдным. Отношения между полами банализируются и сводятся к сексуальным контактам, лишенным глубины чувств, нравственной ответственности партнеров друг перед другом. Личные идеалы человека начинают концентрироваться вокруг сохранения молодости, здоровья, материального благосостояния, сексуальных потребностей и потребностей желудка. В стремлении снять напряжение городского образа жизни и бессмысленность своего существования человек ищет удовольствий, острых ощущений и готов ради этого прибегать к алкоголю и наркотикам. Все эти факторы ведут к тому, что нации на Западе перестают развиваться; имеет место депопуляция, которая нейтрализуется за счет новых граждан, прибывших из разных уголков планеты, не стремящихся развивать национальную культуру, в которой они оказались по необходимости.

Итальянский философ исходит из того, что ничего подобного не существовало в таких масштабах и формах в традиционной культуре (если, конечно, народ не приходил к последней стадии жизненного цикла), поэтому и могли существовать исторически продолжительные периоды времени. Он пессимистически трактует будущее индустриальной и постиндустриальной культуры. Без достаточных доказательств, исследователь распространяет кризисные тенденции западноевропейской цивилизации на все иные цивилизационные регионы мира. Справедливо говоря о том, что, например,

марксистская версия выхода из кризиса по существу его углубляет, Эвола отказывает в жизнеспособности народам, которые в середине XX в. были интегрированы в социалистическую систему, но позже смогли из нее выйти, а также народам Востока, которые, по его мнению, тоже вступили на путь вожделения материального достатка и комфорта, отказываясь тем самым от собственной Традиции [9].

Как свидетельствует ситуация в европейских странах, тенденции, определенные итальянским аналитиком в 1960-х гг., стали усиливаться на рубеже XX–XXI вв. Но в этом вопросе вряд ли можно беспартийно утверждать, что народный потенциал дальнейшего развития национальных культур Запада полностью исчерпан. И совсем нельзя согласиться с его выводом о культурном упадке народов, которые, заимствуя европейские достижения, одновременно сохраняют внутри себя механизмы традиционализма и преемственности.

Теоретические поиски в деле сохранения народов и народных культур на рубеже XX–XXI вв.

Во многом новые, более критические позиции по отношению к либеральному и марксистскому анализу народов, наций и этносов рождаются в пространстве гуманитарной мысли в последней четверти XX – начале XXI в. Они формируются в иной социально-культурной и политической атмосфере, характерной для предшествующих этапов развития консервативной мысли. Во-первых, в указанный период серьезный кризис охватывает крупные западные нации, национальные культуры и многие национальные государства. Во-вторых, на фоне этого кризиса в разных странах и регионах мира происходит всплеск этничности, что актуализирует проявление традиционализма, родоплеменных характеристик, архаической экзотики. В-третьих, с учетом разлагающего воздействия глобализма и постиндустриального уклада на любую культуру в разных регионах мира пробуждается активный интерес людей к своему прошлому, в том числе – происхождению, к тем внутренним механизмам, которые позволяли конкретным народам выжить и развиваться в новых условиях [10].

В таком контексте созревает новая после О.Шпенглера с его «Закатом Европы» волна интереса исследователей к самому процессу распада еще недавно мощного цивилизационного пространства Запада под ударами разных факторов и разрушительных сил. Примечательна позиция американского общественного деятеля и политолога П. Дж. Бьюкенена, которую он изложил в работе «Смерть Запада» [11]. Сниженная в концептуальном плане, достаточно поверхностная в мировоззренческих оценках, эта работа привлекает внимание скрупулезным описанием деструктивных тенденций в общественной и социокультурной жизни США 1960–80-х гг., которые вели к распаду традиционной культуры белого большинства. То, что сам автор называет американским народом, способно вызвать возражения. Однако его вопросы о том, как можно отделить народ от его корней, почему белые американцы отказываются заводить детей,

почему общество не смогло противостоять сексуальной революции, отнюдь не наивны. Они, безусловно, базируются на глубоких теоретических основаниях и правомерны с морально-гуманитарной точки зрения.

Вместе с тем, для работ европейских авторов, которые заняты осмыслением ситуации, связанной с гибелью народов, культур и цивилизаций, и поиском выхода из нее, характерна большая концептуальность и философское осмысление. Хотя четко очерченного направления таких поисков пока нет, как нет и общественно-политических или культурных движений в данном вопросе, все же в европейской гуманитарной мысли рефлексия на этот счет осуществляется в широком диапазоне семантико-аксиологических ориентиров, исторических реалий и учета культурно-цивилизационных предпосылок.

В этой связи кратко остановимся на позиции французского политолога Алена де Бенуа, изложенной им в работе «Против либерализма» [12]. Автор представляет идейное течение «Группы исследований европейской цивилизации» (Groupement de Recherche et Etudes pour la Civilisation Europeenne). В книге он воссоздает панораму тех усилий, которые осуществляют исследователи и научные центры Западной Европы с целью выработать адекватную модель культурного развития этого континента, позволяющую выйти из глобального постиндустриального кризиса и воссоздать в новых формах европейскую цивилизационную идентичность. Отвергая все, что мешает этому движению (либерализм, атлантизм, коммунизм, фашизм, глобализм и т.п.), Бенуа перечисляет реальные ресурсы, которыми ныне располагает Европа для прорыва в будущее: европейские народы, сохраняющие собственную культуру; регионы и территории, продолжающие народные традиции; научная мысль и искусство, ставящие перед собой высокие метафизические цели; экологические движения и экологически направленное общественное сознание и др. Рассматривая концептуальные заделы, изучая разные общественные практики, автор видит возможных партнеров в сторонниках регионализма, активистах локальных общин и коммунитарных движений, в разработчиках перехода от демократии представительной к демократии соучастия. Исследователь готов считать полезным даже поиск новых форм социализма, но при условии отказа от единственно правильной его формы и признания многообразных национально скорректированных моделей социалистического развития. Главная цель всех этих начинаний – пробудить высокий дух европейских народов (вплоть до утверждения за ними особых прав, наряду с правами человека) ради укрепления подлинной (а не торгашеской, иллюзорной) цивилизационной идентичности и культурной консолидации народов и стран континента.

Окончание следует

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., например: Культурология: энциклопедия : в 2 т. М., 2008. Т. 1.

Ст. 1281–1284; Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 2. С. 538.

[2] Цит. по: *Ванслов В.В.* Эстетика романтизма. М., 1966. С. 229.

[3] См.: *Тённис Ф.* Общность и общество. М. ; СПб., 2002.

[4] Данный тип понимания народа и народной культуры представлен в следующих работах немецких авторов: *Крик Э.* Преодоление идеализма. Основы расовой педагогики: пер. с нем. М., 2004; *Раса и мировоззрение*: пер. с нем. М., 2009; *Философия вождизма*: пер. с нем. М., 2006 и др.

[5] *Штенгель фон Рутковски Л.* Что такое народ (биологическое понятие народа) // *Раса и мировоззрение*. М., 2009. С. 291.

[6] *Фрайер Х.* Революция справа : пер. с нем. М., 2008. С. 34.

[7] Там же. С. 70.

[8] См.: *Эвола Ю.* Оседлать тигра : пер. с итал. СПб., 2005.

[9] Там же. С. 25.

[10] Эти процессы и тенденции неплохо изучены в обширной русскоязычной и переводной литературе. См.: *Костина А.В.* Национальная культура – этническая культура – массовая культура: «баланс интересов» в современном обществе. М., 2009; *Культура на рубеже XX–XXI вв.: глобализационные процессы* : сб. науч. тр. М., 2005; *Многоликая глобализация. Культурное разнообразие в современном мире*: пер. с англ. М., 2004; *Этничность. Национальные движения. Социальная практика*. СПб., 1995 и др.

[11] *Бьюкенен П.Дж.* Смерть Запада : пер. с англ. М., 2003.

[12] *Бенуа А. де.* Против либерализма : пер. с фр. М., 2009.

© Аванесова Г.А., 2011

Статья поступила в редакцию 15 декабря 2010 г.

Аванесова Галина Алексеевна,

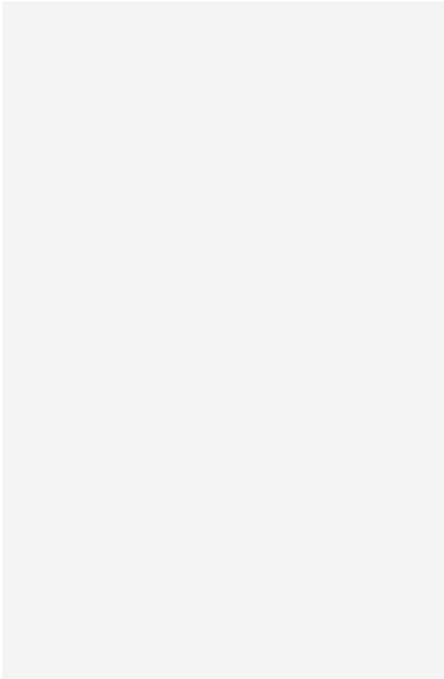
доктор философских наук, профессор,
заведующая кафедрой истории и культурологии
Московского государственного гуманитарного
университета им. М.А. Шолохова (Москва)
e-mail: gal-09@list.ru

UDC 008 (091)

Avanesova G.

**Phenomenological Studies in People and Popular Culture
within the Western and Russian humanities
(Part 1)**

Abstract. The author addresses interpretation of the notions of people and popular culture in the works of representatives of the 19th

century (Joseph-Marie de Maistre, German Romanticists, German classical sociology and social thought of the first half of the 20th century, etc.) and the second half of the 20th century (philosophy of Julius Evola and the other) conservative thought, and in contemporary French and American neo-conservatism (Alain de Benoist, Joseph Patrick Buchanan).

Key words: people, popular culture, nation, national culture, tradition, people's soul, people's nature, people's spirit

Avanesova Galina Alekseevna,

Doctor in Philosophy, Professor,

Head of the History and Culturology Department,

Sholokhov Moscow State University for the Humanities

e-mail: gal-09@list.ru